
В.И. ЕРМОЛОВИЧ

ПРАВОСПОСОБНОСТЬ И ДЕЕСПОСОБНОСТЬ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И СТРАН ЕВРОПЫ)

---

1. Правоспособность физических лиц. Многообразие форм собственности в феодальном сербском обществе свидетельствует о зрелости хозяйственных и гражданских отношений, свойственных тому времени. Анализ правовых источников позволяет утверждать, что сербский законодатель периода средневековья знал и различал на практике понятия “физическое” и “юридическое лицо”.

Важнейшей чертой физического лица является правоспособность. *Правоспособность* в средневековой Сербии понималась как установленная законом возможность для лица быть носителем прав и обязанностей. Правоспособность как институт феодального права является классовым по содержанию. В нем изначально заложено неравенство феодала и крепостного крестьянина. В феодальном праве правоспособность феодала и крепостного крестьянина является правовым выражением их экономического неравенства. Феодал имел полную правоспособность, тогда как правоспособность зависимого (крепостного) крестьянина была существенно ограничена.

Феодальному праву средневековой Сербии были известны значительные ограничения правоспособности различных групп населения. Вместе с тем содержание их правоспособности в сербском феодальном праве не было неизменным. Изменения были вызваны развитием хозяйственной деятельности и общественных отношений в стране.

В период раннего феодализма ограничения правоспособности были обусловлены прежде всего положением лица в задруге или семье. Так, отдельные члены задруги имели ограниченную имущественную правоспособность. Они выступали носителями прав и обязанностей только как члены соответствующего коллектива, например, задруги, которую представлял в отношении третьих лиц старейшина (глава задруги).

Задруга, базирующаяся на коллективной, переходного вида собственности, становилась носителем тех имущественных прав, которые приобретали ее члены различными способами. При этом отдельные члены задруги могли иметь в личной собственности лишь ограниченное число предметов незначительной стоимости, предназначенных для личного пользования (одежда, оружие и т.д.).

Длительное время в отечественной и зарубежной научной литературе господствовала точка зрения, что задруга — институт общественного средневекового устройства — был присущ только южно-славянским народам. В настоящее время уже является признанным факт, что в период средневековья на территории многих европейских стран, в том числе Германии, Франции, Польши, Чехии и Древнерусского государства, задруга была также важным институтом общественного строя, который существенно влиял на правоспособность своих членов [1, Vd. 1, 660, Vd. 2, 375; 2, 770—771; 3, 18]. Так, в средневековой Чехии и Сербии верховная власть в задруге принадлежала семейному совету, а практическое руководство ею осуществлял староста, которого называли господарем [4, 30]. Правоспособность членов средневековой задруги в Чехии, как и в Сербии, была ограниченной. Например, согласно решению семейного совета, члена задруги в Чехии могли изгнать из задруги и лишить его доли имущества в ней [4, 30].

В сербской средневековой семье правоспособность лиц также не была одинаковой. Большею правоспособностью обладал глава семьи. Аналогичные тенденции в рассматриваемый период наблюдались также во многих странах Центральной и Восточной Европы. Например, в средневековой Беларуси (Великом княжестве Литовском) несовершеннолетние дети и неженатые мужчины (и даже не выделявшиеся из состава семьи женатые — *В.Е.*) находились в полном подчинении от своих родителей, а в случае смерти последних — от своих опекунов из числа ближайших родственников [5, 12].

Дети в средневековой польской семье в рассматриваемый исторический период находились еще в большей личной зависимости от родителей, чем их сверстники в Сербии и Великом княжестве Литовском. В XIII—XV вв. они не только не имели лично принадлежавшего им имущества на праве собственности, но даже не имели прав на владение той или иной вещью (*filus non habet alicujus dominiumzei vel aliquam possessionstraditionem*). Более того, Вислицкий статут, не обязывающий родителей платить деньги, проигранные их детьми в кости, постановлял, что всякое обязательство, самостоятельно принятое находящимися под отеческой властью детьми, не имеет никакой юридической силы и правовых последствий [6, 22]. В соответствии с нормами польского средневекового права каждый юридический акт для приобретения законной силы должен был скрепляться печатью того лица, которое участвовало в сделке и принимало на себя определенное обязательство. В связи с этим ст. VI Полного свода статуты Казимира III постановляла, что сын, находящийся под властью отца, не имел своей отдельной печати, а мог пользоваться лишь отцовской печатью с разрешения последнего [7, 52]. Отсюда следует, что подвластный сын, даже совершеннолетний, не мог участвовать в юридических сделках без согласия отца.

В чешской феодальной семье дети так же, как и в других европейских странах периода средневековья, находились под полной властью родителей до тех пор, пока не эмансипировались. Причем основное значение в вопросе родительской власти имел, конечно же, отец. Прекращение отеческой власти над детьми происходило при отделении совершеннолетних сыновей с соответствующей долей имущества и при выходе дочерей замуж.

Согласно ст. 66 “Законника короля Карла I” сыновья могли требовать выделения своей доли имущества от родителей в возрасте 15 лет, а девушки в этом же возрасте становились потенциальными невестами [8, 91].

В средневековой Чехии правовые судьбы детей, у которых умер отец, были разными в зависимости от их социального положения. Так, сироты из феодально-зависимой категории населения вплоть до совершеннолетия находились под опекой феодалов, как и их отцовское имущество. Начиная с XV в., в отдельных имениях стал осуществляться учет сиротских денег. У сирот из дворянских семей имущество нуждалось в особой охране лишь там, где не было взрослых родственников, являвшихся членами неделимой собственности, т.е. братской имущественной общности. Для таких случаев был создан институт опеки над сиротами.

Ограничения правоспособности членов задруги и семьи в средневековой Сербии и странах Европы касались, главным образом, имущественных прав. Правоспособность у рабов отсутствовала полностью. Раб не являлся субъектом, а был только объектом права. Доктрина рабства в ее классическом виде была выражена в нормах римского права. За период существования рабства у южных славян этот институт претерпел некоторые изменения, хотя по-прежнему основными источниками рабства в феодальной Сербии, как и у других славянских народов, были военный плен и долговая кабала. Институт рабства на территории феодальной Сербии юридически сохранялся до начала XV в. Об этом свидетельствует постановление Сената г. Дубровника о запрещении работорговли, которое было принято в 1400 г. [9, 16]. До этого же времени работорговля велась в Боснии и других приморских районах сербского государства. Однако уже за несколько столетий до указанных событий славяне —

предки сербов и болгар — предоставили пленникам возможность выкупаться из рабского состояния. Первыми на этот факт обратили внимание в своих трудах Прокопий-Кесарийский и Псевдо-Маврикий. Позже этот обычай был закреплен в сербском законодательстве, что засвидетельствовал историк права Чорчевич в “Сербской летописи за 1859 г.”, где рабство трактовалось в прокомментированном им правовом акте как временное состояние лица: “Если кто купит раба, а он (раб) богат и вернет уплаченную за его стоимость и отработает у купившего его срок в три года, то вновь станет свободным [10, 9]”. На это указывает и болгарский источник права IX в. н.э. “Закон Судный Людем”, нормы которого в течение нескольких столетий использовались судами Сербии. Так, ст. 19 указанного источника (краткой редакции) гласит: “Если кто-нибудь купит у чужеземца пленника со всем его имуществом, а тот возместит цену, уплаченную за него, то он освобождается.

Если у него нет выкупа, то он должен остаться в качестве раба, пока не отработает уплаченного за него. Если он договорится перед свидетелями о цене, называемой платой (мздой), то она должна составлять в год по три стеленза (достоинство золотой монеты)... [11, 98]”. Несмотря на то, что нормы, отраженные в указанных правовых актах, означают некоторое смягчение участи рабов, они все же не меняют сущности института рабства и положения раба в качестве объекта права. Характерным в данном случае является постановление Которской общины, принятое в 1186 г. о разделе штрафных санкций между князем — главой общины — и церковью Св. Трифона, наложенных на жителей Котора за покупку у раба вещей [12, 124].

Штрафные санкции в отношении жителей Которской общины были применены на основании того, что их покупки сделаны у раба, который в соответствии с законом не обладал правоспособностью, а следовательно, не мог распоряжаться имуществом.

Данное положение указывает на то, что законодательство феодальной Сербии, как и право рабовладельческого Рима, рассматривает раба как вещь — собственность того, кто ее купил, т.е. как объект права. Однако институт рабства в феодальной Сербии не имел того экономического значения, которое было характерно для рабовладельческих государств. В средневековой Сербии рабство не являлось основой производственных отношений, феодальные отношения там развивались вглубь и вширь.

Источником рабства в феодальной Сербии могло быть и совершение тяжкого преступления. Представляет интерес повествование архиепископа Даниила, где он сообщает о победе государя Сербии Милутина над татарами, состоявшими у него на воинской службе и взбунтовавшимися против князя. Милутин оставшихся в живых бунтовщиков обратил в рабство [13, 144]. Этот случай напоминает “поток и разграбление” (конфискация имущества у преступника и продажа его в рабство — *В.Е.*) в “Русской Правде” [14, 64, 66, 70]. Подобное наказание в чешском феодальном праве квалифицировалось как гражданская смерть, когда преступника, приговоренного к смертной казни, мог помиловать князь, но он (преступник) и его потомки становились рабами [8, 94].

Однако в большинстве случаев осужденные в средневековой Сербии подвергались ограничению правоспособности, не утрачивая личной свободы. Так, ст. 156 “О поротниках” Призренского списка “Законника Стефана Душана” гласит: “Которые сопряжники поклянутся и оправдают кого-либо по закону, и если после этого оправдания действительно откроется поличное у этого оправданного, коего оправдала порота, то мое царское величество да возьмет с этих сопряжников по тысяче перперов (византийская денежная единица в один перпер равнялась стоимости, примерно, 4 серебряных рублей — *В.Е.*), и пусть более да не дается веры этим поротникам и да никто из них ни замуж не выходит (клятвенными свидетелями в средневековой Сербии могли быть и женщины — *В.Е.*), ни женится” [12, 89]. Данной нормой предусмотрено, что свидетели, на основании клятвы которых действительный преступник был оправдан, не

только подвергаются уголовному имущественному наказанию в форме штрафа в тысячу перперов, но и ограничиваются в правоспособности. Они лишаются права вступать в брак, и впредь их заявлениям, утверждениям “не дается веры”, т.е. фактически они утрачивают право выступать в суде в качестве истца, свидетеля, поручителя и т.д.

Развитие феодальных отношений вызвало ряд специфических, присущих только феодализму видов ограничения правоспособности широких слоев населения. Например, была ограничена возможность не только для сербских зависимых крестьян, но и представителей других непривилегированных сословий приобретать право собственности на земли, входящие в состав ленных владений светских и духовных феодалов. Так, ст. 58 “О Пронии” из Призренского списка и ст. 61 из Бистричского списка “Законника Стефана Душана” гласят: “Да не волен никто ни продать пронию (поместье), ни купить, кто не имеет бащины...” (наследственной собственности, т.е. вотчины — *В.Е.*) [9, 90; 15, 187]. Содержание этой правовой нормы обусловлено тем, что право собственности феодалов на землю нераздельно связано с их правом властвовать над зависимыми крестьянами, которые обрабатывали эту землю, и в целом господствующим положением феодалов в обществе. Зависимый крестьянин не имел полной правоспособности. Ограничения правоспособности сводились к тому, что он не мог продавать землю за пределы феодального имения, к которому был прикреплен. Сделки купли-продажи можно было заключать в пределах только одного владения с лицами, зависимыми от одного и того же феодала. Если участниками сделки (договора купли-продажи) становились лица, находящиеся в зависимости от разных феодалов, то сеньор продавца был вправе требовать расторжения сделки и даже имел законные основания наказывать виновного посредством наложения на него штрафа.

Аналогичные ограничения правоспособности зависимых от феодалов категорий населения при совершении ими сделок с недвижимостью были характерны для всех стран средневековой Европы. Следовательно, средневековая Сербия (XIV — XV вв.) в данном случае не является исключением из правила. Однако во многих странах Западной и Восточной Европы (в русских землях и Великом княжестве Литовском) круг лиц, способных осуществлять сделки купли-продажи с недвижимостью, был гораздо многочисленнее, чем в средневековой Сербии. Данные сделки в указанной группе стран наряду с представителями господствующего феодального сословия могли заключать и представители третьего сословия, т.е. зарождающиеся буржуазные элементы в недрах феодального общества из числа свободного населения, главным образом из горожан. Например, известный исследователь феодальных отношений в средневековой Руси С.В. Юшков считал, что в Пскове мелкие землевладельцы в XIV — XV вв. — земцы, или своеземцы — формировались главным образом из среды горожан [16, 35]. На этот факт указывает и другой русский исследователь, наш современник, Ю.Г. Алексеев. В частности, он констатирует, что члены городской (псковской) общины имели исключительное право обзаводиться вотчинами на землях, тянувшихся к их городу. Вечевые власти Пскова, в свою очередь, запрещали продажу земли в чужие руки, т.е. уроженцам других земель (русских княжеств и иностранных государств — *В.Е.*), заставляли выкупать эти земли или выкупали сами за государственный счет [17, 134].

До 1550 г. вотчинные земли без всяких ограничений продавались и на территории Русского (Московского) централизованного государства [18, 530].

Другой пример также касается данного явления, но уже в Великом княжестве Литовском. Так, в тексте “Литовской метрики” за период 1499 — 1514 гг. нами выявлено “потверждение мешчанину мерецкому Григорку Аньдрушковичу купли его у бояр мерецких земель их отчизных и сеножатеи на вечность, на службе земьской” от 28 октября 1510 г., которое свидетельствует о покупке в Великом княжестве Литовском земли мешчанином (горожанином) у феодалов. Указанная грамота выдана от имени короля Сигизмунда I, где подтверждается законность покупки земли мешчанином Г. Андрушковичем у мерецкого бояри-

на Матея Ятовтовича за сумму в 14 коп. грошей [19, 389]. Указанный выше документ весьма важен как в юридическом, так и в историческом плане. Продажа и покупка дворянских и крестьянских земельных владений во многих странах Европы в XVI в. становилась обычным явлением. Данный процесс наблюдался в Англии, Франции, Чехии, некоторых землях Германии еще в XV в., что явилось показателем высокого уровня развития товарно-денежных отношений в этих странах. Именно в указанный период зарождающиеся буржуазные элементы в странах Западной и Центральной Европы скупали земли феодалов вокруг городов, причем зачастую не с целью внедрения новых методов хозяйствования, а лишь с тем, чтобы иметь возможность взимать с крестьян феодальную ренту. Зачастую объектом купли-продажи становилась не сама земля, а связанные с ней рентные права. Следовательно, вполне вероятно, что аналогичное явление в рассматриваемый период наблюдалось и на территории Великого княжества Литовского, что может свидетельствовать о зарождении в белорусских землях уже в XVI в. зачатков буржуазных отношений.

Вместе с тем мы не являемся сторонниками упрощенного представления об отсталости экономического, социального и правового развития Сербии XIV—XV вв. в отношении уровня развития большинства стран Европы, в том числе Великого княжества Литовского и Русского (Московского) централизованного государства. Анализ законодательства Сербии XIV в., прежде всего “Законника Стефана Душана” (1349), позволяет сделать вывод, что в указанный исторический период в средневековой Сербии завершился процесс закрепления крестьянства, в то время как в Великом княжестве Литовском этот процесс завершится только спустя 200 лет, в XVI в., а в Русском централизованном государстве только в XVII в. Следовательно, наличие возможности покупки земельных владений представителями низшего, третьего сословия у представителей господствующего, феодального сословия следует расценивать как издержки процесса развития феодальных отношений в Великом княжестве Литовском и Русском централизованном государстве, где развитие феодальных отношений не достигло еще зрелого, классического состояния, подобно странам Западной Европы: Англии, Франции, Чехии и др. Из этого следует, что Сербия в XIV в. уже вступила в стадию зрелых феодальных отношений. Если бы не турецкое завоевание, то вполне вероятно, что к XVI в. уровень ее хозяйственного и правового развития соответствовал бы уровню передовых стран Европы.

Литература

1. *Yierke O.* Deutsches Privatrecht. München, 1895.
2. *Colin A. et Capitant H.* Cours élémentaire de droit civil français. 4-e éd. Paris, 1923. Т. 1.
3. *Леонтович Ф.И.* О значении верви по Русской Правде и Полицкому Статуту, сравнительно с задругою юго-западных славян // Журн. м-ва нар. просвещения (Российской империи). 1867. № 4.
4. *Jiří L.* Bílý Právní dějiny na území České Republiky. Praha, 2003.
5. *Доўнар Т.І.* Грамадзянскае права феадальнай Беларусі XV—XVI стагоддзяў. Мн., 1997.
6. *Statuta Wislickie // Prawo polskie w wieku XIV.* Warszawa, 1881.
7. *Zwód zupełny Statutów Kazimierza Wielkiego // Starodawne prawa polskiego pomniki.* Kraków, 1856. Т. 1.
8. *Ермолович В.И.* Государство и право Чехии IX—XVI веков. Мн., 2005.
9. *Ермолович В.И.* Право средневековой Сербии (XII—XV вв.). Мн., 2003.
10. Српска льтопис. 1859. Т XXXIII. Кн. 99.
11. Закон Судный Людем / Под. ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961.
12. *Зигель Ф.* Законник Стефана Душана. СПб., 1872.
13. Животи краљева и архиепископа српских написао архиепископ Данило и други. Загреб, 1866.
14. “Русская Правда” пространной редакции // Рос. законодательство X—XX вв.: В 9 т. М., 1984. Т. 1.
15. Законик Цара Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукопис / Уредник акад. М. Беговић. Београд, 1981. Кн. II.
16. *Юшков С.В.* Псковская “аграрная” революция // Зап. науч. о-ва марксистов. М., 1928. № 3.
17. *Алексеев Ю.Г.* Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. Л., 1980.
18. *Сергеевич В.* Лекції и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. 3-е изд. СПб., 1903.
19. *Lietuvos metrika.* Кн. 8. Vilnius, 1995.

(Окончание в следующем номере.)